

политике Соединённых Штатов, и это, на мой взгляд, куда более интересное будущее. Но Россия – это евразийская держава, и её политика всегда должна быть многовекторной. Китай и Индия уже не свернут с пути к величию, лишь темпы могут замедлиться. Кто это положит в основу своей стратегии, тот и будет иметь успех. Это не означает, что роль США, Запада будет мала, но конфигурация усложнится по сравнению с предыдущими веками, когда главным вызовом для России были отношения с Западом. Вдоль этой линии разлопатались источники рывка, и трудности, и противоборства, и взаимодействие. Эти приоритеты не вечны.

При этом роль военной силы как компонента мощи государства, несмотря на усложнение критериев, сохраняет своё опережающее значение. Ядерное сдерживание будет играть ещё большую роль, и страны будут продолжать стремиться к обладанию ядерным оружием – не для того чтобы им воевать, но для того чтобы им «брыцать» в эпоху беззастенчивого поприща суверенитета. Независимость внешнеполитической и исторической стратегии России зряжётся на пока втором после США ядерном потенциале, который гарантирует от диктата, обеспечивает неприкосновенность наших ресурсов, а они неизбежно будут объектом посягательства в XXI в. Борьба за энергоресурсы обнажена уже сегодня, когда ради контроля над ними свернутся неуголдные режимы и сбрасываются бомбы на суверенные государства без объявления войны. Таким объектом станет и вода, и территория воспроизводства зелёной массы.

Без постановки и осознания этих тем невозможно, на мой взгляд, оценивать будущее России в новой конфигурации XXI в.

*А.Ю. Мельвиль**

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО ДЛЯ РОССИИ: СОХРАНЯЕТСЯ ЛИ «КОРИДОР ВОЗМОЖНОСТЕЙ»?

Размышляя о мире XXI в. и сценариях будущего для России, считал бы важным подчеркнуть следующие общеметодологические моменты, важные для последующего анализа.

* Мельвиль Андрей Юрьевич, к. филол. н., ГУ-ВШЭ, декан факультета прикладной психологии, профессор кафедры прикладной психологии.

Во-первых, сценарии – это не прогнозы будущего, которые исходят из линейной экстраполяции существующих тенденций. Метод сценарирования представляет собой построение «предельных», своего рода «крайних» вариантов возможного развития, которые в буквальном виде никогда не реализуются. Во-вторых, этот метод предполагает важную посылку – принципиальную непредопределённость будущего настоящим, возможность выхода из «колеи зависимости». В-третьих, построение сценариев предполагает их альтернативность, вытекающую из некоторой для этого подхода посылки о «выпиках» развития, точках бифуркации. В-четвёртых, в сценарном подходе из посылок о возможных точках бифуркации в развитии вытекают теоретически и эмпирически обоснованные предположения о налицо «окон возможностей» и влияния «малых причин», способных повлиять на общие траектории развития. В-пятых, построенные сценарии основываются на выявлении ключевых «драйверов» как независимых переменных, в наибольшей степени способных влиять на динамику той или иной системы. В данной точке зависимые переменные – это как раз альтернативные сценарии. При этом малые воздействия («малые причины») – это «триггеры» («случайные крючки»), ведущие к *нарушению равновесия и запускающие в ход действие «драйверов», от взаимодействия которых которых зависит альтернативы будущего развития*³⁵.

К числу ключевых «драйверов», способных формировать альтернативные сценарии будущего России в среднесрочной перспективе, относятся как внешние, так и внутренние факторы. О первых много говорится, о вторых – очень мало. Между тем, именно из их сочетаний рождаются альтернативы развития, в том числе их «предельные» сценарии, между которыми и находится реальный «коридор возможностей» для российского развития.³⁶

³⁵ См. Heijden K., Van der. (1996) *Scenarios: The Art of Strategic Conversation*. Chichester: John Wiley and Sons; Lindgreen M., Vanhooft H. (2003) *Scenario Planning: The Link between Future and Strategy*. N. Y.: Palgrave Macmillan; Ogilvy J.A. (2003) *Creating Better Futures: Scenario Planning As a Tool for a Better Tomorrow*. N.Y.: Oxford University Press; Richards D. (ed). (2003). *Rolitical Complexity: Nonlinear Models of Politics*. An Arbor: The University of Michigan Press.

³⁶ См. Ситоров Г. Какое будущее ждет Россию? (<http://newtimes.ru/analiz/2008/issue08/9/doc-59551.html>); Kuznets A. *Alternative Futures for Russia to 2017*. Salsk, 2007 (http://isis.org/index.php?option=com_sis_rub&task=view&id=4237); Общедель архив. Эксперты о будущем России, 2002. Под ред. С.И. Каспа. М., Европеиский деловой клуб в РФ, Фонда «Российский общественный политический центр», Комитет «Россия в объединённой Европе». Россия: ближайшее

Применительно к альтернативам российского будущего, как минимум, четыре группы «драйверов» представляются крайне важными: (1) влияние внешней среды и типы реагирования на нее; (2) варианты внутреннего социально-экономического развития; (3) динамика и качество политического режима; и (4) варианты отношений по линии «центр-периферия»³⁷. В соответствии с существующими методиками³⁸ в рамках каждого из четырех «драйверов» выделены основные факторы «относительных определенностей» и «существенных неопределенностей»:

<i>Однозначные определённости</i>	<i>Существенные неопределённости</i>
<ul style="list-style-type: none"> - Торжество глобализации - Появление «клетчатых» ягдеров глобализации - Последствия неравномерности процессов глобализации - Последствия тенденций «противоглобализации» - Контроль над внесистемными силами - Эффект расширения «исследовательских» государств 	<ul style="list-style-type: none"> - Возрождение «каракима» как альтернативы «западному проекту» - Подъем мобилизационного потенциала и радикализма в «отстающих» странах - Перспективы новых кризисов - Углубление расколов и диспропорций развития - Скачки цен на энергоресурсы - Политические стратегии и тактики ключевых международных игроков - Появление энергетических альтернатив
<ul style="list-style-type: none"> - Выход из мирового кризиса и продолжение роста - Сохранение значимости энергетической составляющей мировой политики 	<ul style="list-style-type: none"> - Развитие региональной нестабильности - Возрождение «каракима» как альтернативы «западному проекту» - Подъем мобилизационного потенциала и радикализма в «отстающих» странах - Перспективы новых кризисов - Углубление расколов и диспропорций развития - Скачки цен на энергоресурсы - Политические стратегии и тактики ключевых международных игроков - Появление энергетических альтернатив

деятельности. 2004. Под ред. Э. Качиня и Д. Тренина. М.: Московский центр Карнеги; Россия и мир в 2020 году. 2005. М.: Издательство «Европа»; Сатаров Г., Влатковешенский Ю., Влатковешенский Н. 2005. Что будет с Россией? Политические сценарии до 2008 года. Аналитический доклад ИНДЕМ. <http://www.index.pl/satavov/K-Ross2008.htm>.

³⁷ Эти типы драйверов были выявлены авторским коллективом в составе А.Ю. Мельвиля, И.М. Бузыгиной, М.Г. Миронюка, И.Н. Тимофеева и др. в ходе реализации исследовательских проектов по сценарированию российского будущего (ИНО-Центр, МГИМО МИД РФ и НИУ ВШЭ). На основе сочтенной видениями драйверов нами были построены альтернативные сценарии российского развития. См. Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н. (2008). Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения. Лондон, № 4; Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н. (2010). 2020: российские альтернативы revisited. Подгития, № 2.

³⁸ См., например, Mapping the Global Future: Report of the National Research Council's 2020 Project (http://www.dni.gov/nrc/NRC_2020_project.html).

Продолжающаяся эрозия норм международного права	<ul style="list-style-type: none"> - Перспективы существующих и новых международных режимов - Возможности адаптации международных институтов - Влияние ситуативных альянсов - Перспективы политики «односторонности» - Поиск институционально-правовых решений новых международных проблем
Сокращение относительной темпонами США при абсолютном подьеме новых игроков	<ul style="list-style-type: none"> - Деятельность международного порядка со стороны новых игроков - Переход к политике многосторонности - Подъем новых мировых лидеров - Новый американский национализм

<i>Однозначные определённости</i>	<i>Существенные неопределённости</i>
<ul style="list-style-type: none"> - Изменение мировой конъюнктуры - Последствия для национального экономического и технологического развития - Проект инновационного развития - Социальный контракт - Динамика социальной поддержки и потенциала протеста - Режимные последствия - Модернизация «сверху» - Смешанные варианты - Инерционное развитие - Стагнация - Имеющиеся ресурсы - Внутренняя поддержка - Международные последствия 	<ul style="list-style-type: none"> - Соотношение сил и политических ориентаций в элите - Степень консолидации и разнотласий внутри элитных кланов - Тенденция выхода из гибридного состояния - Степень «закрепости» режима - Готовность к репрессивным мерам - Последствия для социально-экономического развития - Международные последствия - Степень реальной политической конкуренции - Характер политического участия - Альтернативные источники информации - Последствия для социально-экономического развития - Рамки для политического развития
<ul style="list-style-type: none"> - Сохранение инерционной преемственности 	<ul style="list-style-type: none"> - Соотношение сил и политических ориентаций в элите - Степень консолидации и разнотласий внутри элитных кланов - Тенденция выхода из гибридного состояния - Степень «закрепости» режима - Готовность к репрессивным мерам - Последствия для социально-экономического развития - Международные последствия - Степень реальной политической конкуренции - Характер политического участия - Альтернативные источники информации - Последствия для социально-экономического развития - Рамки для политического развития

Динамика и качество политического режима

Информальный характер политической системы	<ul style="list-style-type: none"> - Степень консолидации и разнотласий внутри элитных кланов - Тенденция выхода из гибридного состояния - Степень «закрепости» режима - Готовность к репрессивным мерам - Последствия для социально-экономического развития - Международные последствия - Степень реальной политической конкуренции - Характер политического участия - Альтернативные источники информации - Последствия для социально-экономического развития - Рамки для политического развития
Низкое качество институтов	<ul style="list-style-type: none"> - Степень консолидации и разнотласий внутри элитных кланов - Тенденция выхода из гибридного состояния - Степень «закрепости» режима - Готовность к репрессивным мерам - Последствия для социально-экономического развития - Международные последствия - Степень реальной политической конкуренции - Характер политического участия - Альтернативные источники информации - Последствия для социально-экономического развития - Рамки для политического развития

Пассивное состояние общества	- Сохранение социального контракта - Пределы пассивной адаптации - Потенциал социальной напряжённости - Протестный потенциал
Общественная поддержка	- Сохранение доминирующих социально-консервативных ориентаций - Стабильность общественной поддержки - «Цена» общественной поддержки - Возможности общественной дестабилизации
Варианты отношений по линии «центр-периферия»	
Общая ориентация на централизацию	- Эффективность и «цена» централизации - Внутренние и внешние последствия - Перспективы инноваций на региональном уровне - Мобильность населения и миграция как факторы развития - Возможности региональной дестабилизации - Противодействующие силы и тенденции
Сохранение тенденций фрагментации и децентрализации	- Дезинтеграционные тенденции - Интенсивность - Последствия - Заинтересованные внутренние игроки

С учётом различных сочетаний «драйверов» и их эффектов и по результатам экспертных опросов нами ещё в 2008 г. были сформулированы четыре альтернативных сценария российского будущего в среднесрочной перспективе:

1) *«Российский гамбит»* («размен» политической и экономической конкуренции на стабильность и рост)³⁹;

³⁹ В 2020 г. в мире продолжается экономический рост, сохраняются высокие цены на нефть. Страны «семёрки» остаются в числе ведущих экономик мира. Динамично растут Бразилия, Россия, Индия и, особенно, Китай. Их доля в мировом ВВП резко увеличилась. Глобализация продолжается, но при этом растёт многообразие экономических и политических укладов и систем. Раскол между богатыми и бедными странами увеличивается. В мире сохраняется значительный конфликтный потенциал: борьба за доступ к энергоресурсам, «чёрная дыра» в Афганистане и Ираке, конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, иранский и северокорейский «ступики», новые конфликты в Закавказье и Средней Азии, исламский радикализм, международный терроризм, наркомафия и др. Нет прогресса в контроле над вооружениями. Но вероятность конфликтов глобального масштаба минимальна – ключевые мировые игроки конкурируют друг с другом, однако избегают резкого обострения отношений. Похолодание в отношениях США и ЕС с Россией не привело к новой холодной войне, хотя продолжается критика внутренней и внешней политики РФ, её стратегии «энергетической сверхдержавы». В мире Россия выступает самостоятельным центром силы. Основа российского международного влияния – экспорт энергоресурсов и вооружений, модернизация армии, прагматичная дипломатия с упором на собственные интересы. Интеграция в международные институты (прежде всего, ВТО) прошла на выгодных для страны условиях.

2) *«Крепость Россия»* (внутренняя мобилизация перед лицом внешних угроз)⁴⁰;

Достичь этого Россия смогла благодаря политическому курсу, сохраняющему преэминентность в экономике, внутренней и внешней политике и опирающемуся на поддержку общества. В экономической политике государство определяет ключевые стратегии развития и распределяет инвестиции. Основа продолжающегося экономического роста – энергетика. В отношениях государства и бизнеса доминирует государство. Оно контролирует энергетический сектор и приоритетные отрасли – ВПК, машиностроение, транспорт. Во внутренней политике государство тоже определяет «правила игры». В системе «суверенной демократии» преобладает влияние исполнительной власти. У политической оппозиции нет ни ресурсов, ни общественной поддержки. Общество удовлетворено экономическим подъёмом и ростом благосостояния, интерес к политике минимальный. Федеральный центр практически полностью контролирует ситуацию в регионах. Главный приоритет государства – ускоренная модернизация стратегических отраслей экономики, рост благосостояния и укрепление позиций России в мире. **На шахматном языке, это – своего рода «гамбит», т.е. ограничение политической и экономической конкуренции в стране ради стратегической цели модернизации России.**

⁴⁰ Ситуация в мире в 2020 г. очень нестабильная и напряжённая. Международное право и международные организации резко ослаблены. Роль силы в международных отношениях стала решающей. Идёт новая гонка вооружений. Распространяется оружие массового уничтожения. Россия фактически оказалась по враждебному окружению. Вдоль её границ сложилась «дуга» реальных, тлеющих и потенциальных вооружённых конфликтов. США и ЕС решили, что «Россия потеряна», оставили надежды, что смогут влиять на развитие России в нужном для них направлении, и вернулись к политике холодной войны и сдерживания. Они ставят всевозможные барьеры российскому бизнесу, идёт жёсткая борьба за энергоресурсы и пути их доставки. Цены на нефть скачут, и для России это очень невыгодно. Украина и Грузия вступили в НАТО, на очереди – другие российские соседи. Американская система ПРО развёрнута у границ РФ. Россия наращивает военное присутствие в Абхазии и Южной Осетии. Сложился реальный союз России и Белоруссии. В Средней Азии пылают «старые» и «новые» очаги гражданской войны. Всю Евразию пытаются «делить» между собой США, ЕС и «новые игроки» – Китай, Иран, Турция и др. Россия – «в глухой обороне». В мире много других конфликтов. Идёт борьба между «старыми» (США, ЕС, Япония) и «новыми» (Китай, Индия и др.) центрами экономической мощи за энергетические и иные ресурсы. Помимо Ближнего Востока, центры глобальной нестабильности появились в «полевешей» части Латинской Америки, в Индонезии и Пакистане. Россия не участвует в этих конфликтах активно, но стремится использовать их в своих интересах. Враждебное отношение Запада к России привело к оттоку капиталов, прекращению иностранных инвестиций. Резко возросли расходы на оборону. Приходится «затягивать пояса» – сокращается потребительский сектор, падают доходы, растут налоги. Всё это, с учётом нестабильных цен на нефть и активного сопротивления энергетической политике РФ, значительно осложнило решение задач российской модернизации. Государство вынуждено моби-

3) «*Российская мозаика*» (децентрализация и фрагментация по образцу 1990-х гг.)⁴¹;

дизавать все ресурсы для отпора внешним вызовам и угрозам ради сохранения суверенитета, независимости и территориальной целостности. Блок «силовиков» определяет и внутривнутриполитические «правила игры». Политической оппозиции не существует. Произошла национализация компаний в ключевых отраслях экономики – топливно-энергетическом комплексе, машиностроении, транспорте. Резко растёт ВПК, но растёт и инфляция. В отношениях с регионами федеральный центр полностью доминирует. Страна должна сплотиться, чтобы противостоять внешним угрозам, даже если это ограничивает некоторые индивидуальные права и свободы. Россия балансирует между мировыми центрами силы, возвышаясь как «крепость» над опасным «океаном хаоса».

⁴¹ К 2020 г. в мире развивается глобализация «по западной модели». «Страны-лидеры» (США, члены ЕС, Япония) задают экономические, технологические и социально-политические стандарты, к которым стремятся все другие. Китай, Индия и такие «новые игроки», как Бразилия, ЮАР, Южная Корея, Индонезия, Турция, Таиланд и др., сохраняют национальную специфику, но в целом идут вслед за Западом. Мировая экономика устойчиво растёт. Цены на нефть относительно низкие благодаря новым технологиям. Международные институты и организации (от ВТО до НАТО, ПАСЕ и ОБСЕ) определяют «правила игры» в мире. Международные конфликты не исчезли, но в целом находятся под контролем. «Государства-изгой» и такие «несистемные силы», как международный терроризм, исламский радикализм, наркомафия и международная преступность, вытеснены на мировую периферию. Россия в новой международной системе играет «по правилам», которые вынуждена принять. Она интегрирована в международные институты и стала членом западного сообщества, правда, не всегда на выгодных для неё условиях. Но Россия стала открытой страной, в неё идут масштабные зарубежные инвестиции и кредиты, растёт благосостояние наиболее активной части населения и регионов, в наибольшей степени включённых в международное разделение труда. Однако идёт и вывоз капиталов, утечка мозгов. Происходит децентрализация и суверенизация российских регионов. Регионы всё в большей степени сами определяют свои стратегии развития, свою политику и правила, по которым живут. Одни, преимущественно дотационные регионы, сохраняют ориентацию на федеральный центр, другие опираются на собственные силы или поддержку партнёров извне. Между регионами усиливается конкуренция. Москва в это не вмешивается. Государство больше не доминирует – и людям, и регионам предоставлен шанс жить «как им лучше». Растёт коррупция и разрыв в доходах, но для активных и успешных открылись большие возможности. Государственный сектор и государственное регулирование в экономике незначительны. Прошла масштабная программа приватизации и реприватизации отраслей, которые были фактически национализированы в первом десятилетии XXI в. (энергетика, транспорт и др.). Преимущества для ускоренного развития получают столичные и торговые города, регионы, богатые ресурсами, некоторые приграничные регионы. Россия становится всё более «мозаичной» и децентрализованной. Это вполне устраивает как внешний мир, так и наи-

4) «*Новая мечта*» (либеральный сценарий российского развития)⁴².

Методология разработки сценариев предполагала выявление ключевых международных и внутривнутриполитических независимых переменных и альтернативных вариантов их влияния на будущее страны. У каждого из этих сценариев своя интрига и свои

более активные и успешные регионы, которые могут максимально воспользоваться своими преимуществами.

⁴² В 2020 г. устойчивый рост мировой экономики обеспечивают прежде всего высокие технологии. Потребность в энергоресурсах высока, но цены на нефть постепенно снижаются. Сохраняется разрыв между «Севером» и «Югом», но мировое сообщество посредством ООН и других международных организаций стремится обеспечить устойчивое развитие, смягчить неравенство, урегулировать конфликты, обеспечить мир. После успешной реформы ООН укрепилось международное право. Фактор силы в международных отношениях не является решающим. Международные полицейские силы под эгидой ООН контролируют наиболее опасные региональные конфликты (на Ближнем Востоке, в Средней и Центральной Азии, в Закавказье и др.). Новые центры экономической мощи (прежде всего Китай, но также Индия, Бразилия, ЮАР и др.) встроены в международное разделение труда. Устойчивое развитие, экология, здравоохранение, образование стали признанными международными приоритетами. Россия – полноправный член современного мирового сообщества. ООН, а не НАТО, определяет «правила игры» в мире. Конфликты вдоль российских границ так или иначе урегулированы. Но влияние на постсоветском пространстве приходится делить с другими «игроками». У России, наконец, есть возможности сосредоточиться на внутренней модернизации. Снижение цен на нефть заставляет искать интенсивные пути развития, повышать производительность труда, инвестировать в высокие технологии и человеческий капитал. «Российский прорыв» – лозунг нового поколения политиков в стране. К власти пришла новая политическая коалиция, которая не помнит «советской власти» и не участвовала в «дележе» и коррупции 1990-х гг. Её поддерживает молодая и наиболее активная часть населения. В новую коалицию вошли молодые технократы с опытом работы в частном бизнесе, предприниматели из высоких технологических отраслей и сферы услуг, представители гражданского общества, молодые и успешные политики и деловые люди из российских регионов, стремящиеся и готовые «жить по-новому». В государственном управлении наводится порядок, закон стал не «диктатурой», а правилом жизни, и не все к этому готовы. Приходится платить все налоги. Ликвидированы излишние бюрократические препоны для предпринимательской деятельности. В России впервые за её историю возник влиятельный средний класс. Но разрыв между богатыми и бедными сохраняется. За медицину, образование, жильё нужно платить самим, хотя есть система социального страхования и доступные кредиты. Личный успех – в твоих собственных руках. Новое активное поколение России заинтересовано в открытой политической и экономической конкуренции. Это её «новая мечта», которая постепенно становится реальностью.

мотивы. Условно говоря, это «увеличительные стекла», которые делают предельно «выпуклыми» некоторые из реально существующих трендов развития России и мира. Смысл их не в строго линейном прогнозировании или предсказывании конкретного будущего, а в аналитическом вычленении спектра его предельных вариантов. Но вариантов не абстрактно-умозрительных, а опирающихся на конкретные проблемы сегодняшнего дня и вызовы, исторически свойственные стране. Среди таких проблем-вызовов – влияние на Россию внешней среды, варианты российской социально-экономической и политической модернизации, качество политического режима, а также территориальная структура, в том числе уровни централизации и типы отношений центра и регионов.

В основе каждого альтернативного сценария – своя интрига и своё «предельное» сочетание «драйверов», отражающих возможные ключевые бифуркации в российском и международном развитии. «Кремлёвский гамбит» в своей основе воплощает многие установки кремлёвского «Плана 2020», но при этом главная его интрига – в доведённом до крайности «размене» политической и экономической конкуренции на решение стратегической задачи модернизации «сверху» и укрепления международной роли России. В сценарии «Крепости-России» доведены до предела периодически возрождающиеся (и сознательно возрождаемые) параноидальные страхи по поводу не только реальных, но и возможных внешних угроз. В качестве единственно возможного ответа на них предложена максимальная мобилизация всех ресурсов, включая человеческие, и «сплочение под флагом» для противостояния внешним и внутренним врагам. «Российская мозаика» воплощает сохраняющиеся в нашем обществе и политическом классе опасения повторения центробежных тенденций 1990-х гг., эрозии государственности и подверженности воздействию извне. В «Новой мечте» представлен идеальный вариант либерального сценария для России, который, несмотря на иные тенденции последнего десятилетия, все же существует, пусть и «на обочине» отечественного политического поля.

Эти сценарии – продукт экспертных разработок, о методологии и содержании которых можно и нужно дискутировать. Но как эти сценарии воспринимаются в общественном сознании? Их эмпирическое тестирование сквозь призму политических и ценностных координат российских граждан даёт ответ на вопросы, насколько обоснованы эти сценарии, насколько они «зна-

ютельно» общественным сознанием, какие из предложенных «предельных» альтернатив российского развития кажутся нашим соотечественникам наиболее вероятными, а какие – наиболее желательными.

Для ответа на эти вопросы, в рамках нашего проекта весной 2008 г. была проведена серия фокус-групп с участием представителей электората прошедших в Государственную Думу партий («Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР)⁴³. Гипотеза нашего исследования предполагала, что существует значительная зависимость оценки вероятности и желательности того или иного сценария от партийных предпочтений респондентов. Однако результаты исследования опровергли эту гипотезу и показали, что партийные предпочтения почти не влияют на восприятие альтернативных сценариев российского будущего.

Практически все респонденты (за совсем незначительными исключениями) по критерию вероятности исполнения сценариев – от «наиболее вероятного» до «наименее вероятного» – ранжировали их следующим образом: «Кремлёвский гамбит» – «Российская мозаика» – «Крепость-Россия» – «Новая мечта». Непонятно: вариант «Гамбита» – это почти буквальная, хотя и доведённая до предела, проекция нынешней ситуации в будущее. Власть будет воспроизводить себя в нынешнем (или близком тому) формате – так считают российские граждане. «Мозаика» воспринимается относительно вероятной, очевидно, потому что распада страны и государственности боятся больше всего. Вариант «Крепости» не исключается по причине существующей у нас и к тому же намеренно поддерживаемой склонности воспринимать окружающий мир как враждебный, только и злоумышляющий против России. «Мечта» как идеал, так и остаётся чем-то очень отдалённым.

Но вот по критерию желательности – от «наиболее желательного» до «наименее желательного» – предпочтения совсем иные: «Новая мечта» – «Кремлёвский гамбит» – «Крепость-Россия» – «Российская мозаика». Это был для нас достаточно неожиданный результат: фактически либеральная по своему содержанию альтернатива российского будущего воспринимается как наиболее желательная, тогда как сам либерализм, даже в его зародышевом виде, категорически отвергается не только правящим

⁴³ Фокус-группы проводились в Москве компанией «Башкирова и партнёры» на основе совместно разработанного вопросника и «гайда».

классом, но и, судя по данным социологических опросов, общественным мнением. Очевидно, что этот результат должен быть перепроверен.

Вероятность реализации сценариев (в порядке убывания)

Наиболее вероятный	«Кремлёвский гамбит»
	«Российская мозаика»
	«Крепость Россия»
Наименее вероятный	«Новая мечта»

Желательность сценариев (в порядке убывания)

Наиболее желательный	«Новая мечта»
	«Кремлёвский гамбит»
	«Крепость Россия»
Наименее желательный	«Российская мозаика»

Среди других результатов исследования следует отметить достаточно слабые идеологические отличия между представителями партийного электората и различных социально-демографических групп в их отношении к вопросам политической и экономической конкуренции в стране, демократии как ценностной норме и политической практике, роли России на мировой арене, роли государства в экономике и др. Но всё же едва ли не главный вывод применительно к замыслу нашего проекта, полученный в ходе первого этапа его тестирования в формате фокус-групп, в том, что предложенные альтернативные сценарии российского будущего отлично «узнаются» респондентами и воспринимаются ими не как умозрительные конструкции, а как реальные «развилки» и «векторы» возможных траекторий развития России, условия для которых коренятся непосредственно в нашем настоящем.

Чтобы проверить достоверность наших сценарных альтернатив применительно к меняющейся ситуации в России и мире, мы провели в конце 2009 г. дополнительное исследование по тому же методу фокус-групп, но на этот раз – не только в Москве, но и в ряде российских регионов (Екатеринбург, Воронеж, Калининград, Новгород, Иркутск)⁴⁴. Мы также организовали отдельную фокус-группу с участием студентов двух ведущих московских

⁴⁴ Новое исследование, проведённое при поддержке «ИНО-Центра» в самом конце 2009 г., координировалось, как и на первом этапе, компанией «Башкирова и партнёры», однако на этот раз, кроме Москвы, было осуществлено в российских регионах силами упомянутых выше региональных университетов после специального тренинга на базе «Башкировой и партнёров». В качестве респондентов вновь выступали представители электората ЕР, СР, КПРФ и ЛДПР.

ВУЗов – МГИМО и ГУ-ВШЭ. На этот раз мы стремились не только верифицировать полученные ранее результаты, но и распространить исследование, помимо Москвы, на пять очень разных российских регионов, а также постараться оценить то, как события в России и в мире в последние полтора года (прежде всего, финансовый и экономический кризис) могли сказаться на восприятии нашими респондентами альтернатив российского развития.

Приступая к новому этапу работы, мы исходили из следующих рабочих гипотез: (1) электоральные предпочтения респондентов не играют значительной роли в предпочтении альтернативных сценариев российского будущего или в оценке их вероятности (один из выводов первого этапа исследования); (2) напротив, региональные отличия могут быть существенными при оценке желательности тех или иных сценариев (с учётом таких факторов, скажем, как анклавное положение региона или желание поддержать предприятия ВПК, сосредоточенные в регионе, и др.); (3) фактор кризиса и его социально-экономические последствия внутри страны могут оказать своё влияние на оценки респондентами ситуации в России и её перспектив, в том числе альтернатив будущего развития. Повторим, что нашей главной задачей было удостовериться в том, что предложенные четыре альтернативных сценария российского будущего воспринимаются респондентами как в Москве, так и в регионах, в качестве неких абстракций, а как возможные траектории развития.

Результаты проведённого исследования в целом подтверждают полученные ранее выводы. Во-первых, предложенные нами альтернативные сценарии практически всеми респондентами (за очень небольшими исключениями) «читаются» как совершенно реальные, а не выдуманные или произвольно сконструированные альтернативные траектории развития России в будущем. Ни один из сценариев не отвергается как заведомо неосуществимый. При этом даются разноплановые и весьма специфические аргументы в пользу реальности каждого сценария. Во-вторых, по степени вероятности сценарии ранжируются так же, как и на первом этапе проведения фокус-групп: «Кремлёвский гамбит» – «Российская мозаика» – «Крепость-Россия» – «Новая мечта». В-третьих, в общем и целом воспроизводится выявленная ранее иерархия представлений о желательности сценариев: «Новая мечта» – «Кремлёвский гамбит» – «Крепость-Россия» – «Российская мозаика». В-четвёртых, подтверждается вывод о

том, что электоральные предпочтения практически не влияют на оценки вероятности и желательности тех или иных альтернативных сценариев будущего России. Наконец, в-пятых, мы обнаружили, что, несмотря на отличия в деталях восприятия сценариев, региональные отличия не являются критическими.

Сегодня, в связи с полученными ранее (т.е. в конце 2009 – начале 2010 гг.) результатами и в контексте новых тенденций развития внутри России и за её пределами возникает ряд существенных вопросов: какова динамика выделенных выше групп драйверов, какие из них приобретают относительно большее или меньшее значение; как эта динамика сказывается на вероятности и желательности альтернативных сценариев российского развития; сохраняется ли «коридор возможностей» гипотетического выбора между различными сценариями?

В поисках возможных ответов на эти вопросы мы обращаемся к результатам исследований наших коллег, которые так или иначе выполнены в сценарной парадигме.

Одно из таких исследований – «Общество как фактор развития России» – было осуществлено по методике фокус-групп Центром политических технологий в 2011 г. Основные выводы, к которым приходят И.М. Бунин и Б.И. Макаренко⁴⁵ и их коллеги, во многом подтверждают полученные ранее результаты наших сценарных разработок, хотя ими были предложены для обсуждения в ходе фокус групп не четыре, а три сценария. Первый – «Инерционный» («плывём как плывётся»), второй – «Авторитарно-технократическая модернизация» («государство берётся за ум») и третий – «Модернизация с демократизацией» («открытие России»). Очевидно, что наш «Кремлёвский гамбит» – это по сути своей сочетание двух сценариев И.М. Бунина и Б.И. Макаренко: «Инерционного» и «Авторитарно-технократической модернизации», а наша «Новая мечта» – это «Модернизация с демократизацией» (при этом такие «предельные» альтернативы, как «Крепость Россия» и «Российская мозаика», нашими коллегами не рассматриваются). Но важно другое: в целом исследование Центра политических технологий подтверждает выявленную нами ранее общую логику восприятия сценариев общественным сознанием как «реалистичных» («вероятных») и «желательных»:

⁴⁵ См. <http://www.politcom.ru/12051.html>.

Реалистичность и желательность сценариев развития⁴⁶

	Реалистичность (по убыванию вероятности)	Желательность (по убыванию привлекательности)
До 40 лет	1. Инерционный (плывём как плывётся) 2. Усиление авторитарных тенденций 3. Авторитарно-технократическая модернизация	1. Модернизация с демократизацией (открытие России) 2. Авторитарно-технократическая модернизация
Старше 40 лет	1. Инерционный (плывём как плывётся) 2. Авторитарно-технократическая модернизация	1. Авторитарно-технократическая модернизация (государство берётся за ум) 2. Модернизация с демократизацией (открытие России)
Средний класс	1-2. Инерционный (плывём как плывётся) 1-2. Модернизация с демократизацией 3. Авторитарно-технократическая модернизация	Все: Модернизация с демократизацией (открытие России)

Иными словами (и с учётом нюансов в позициях различных возрастных групп), как и в нашем проекте, наиболее вероятные сценарии – «Инерционный» и «Авторитарно-технократическая модернизация» (т.е. «Кремлёвский гамбит»), а наиболее желательный – «Модернизация с демократизацией» (т.е. «Новая мечта»). При этом в исследовании Центра политических технологий сформулировано важное условие перспективного российского развития, подкреплённое материалами проведённых фокус-групп, которое содержится и в нашем сценарии «Новая мечта». Это – смена элит, приход нового политического поколения лидеров в ходе открытой и реальной политической и экономической конкуренции. Примечательно, что в обоих исследованиях представители общественности расценивают этот сценарий и это условие как наиболее желательные, но наименее вероятные⁴⁷.

В целом сходный набор сценариев предлагает и Д.В. Тренин, хотя в фокусе его внимания находятся преимущественно внешнеполитические аспекты. Это – «Инерционный», «Негативный» и «Позитивный»⁴⁸. «Инерционный» сценарий предполагает при сохранении «модернизационной» риторики воспроизведение фундаментальной неопределённости в главном векторе

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ По сути, этот вывод подтверждается и авторитетными исследованиями состояния общественного мнения в современной России (см., например, Л. Гулков. Инерция пассивной адаптации. Pro et Contra, январь-апрель 2011).

⁴⁸ Д. Тренин. Внешнеполитические перспективы России. Pro et Contra, январь-апрель 2011.

российской внешней политики (прежде всего, в отношении к Западу и в ценностной основе внешней политики). У такого сценария велика опасность «крена в негатив». «Негативный» сценарий – это сваливание в конфронтацию по ключевым внешнеполитическим направлениям, и прежде всего – в отношении Запада. При этом в «Негативном» сценарии Д.В. Тренин усматривает возможность двух вариантов: «Осаждённая крепость» и «Мягкая дезинтеграция России» – вполне в духе двух наших сценариев «Крепость Россия» и «Российская мозаика». «Позитивный» сценарий основывается на вероятности «чудесного исцеления» российской элиты и российского общества от присущих им сейчас «недугов» (ср. с нашей «Новой мечтой») и связанного с этим внешнеполитического разворота. Но вероятности воплощения такого сценария практически нет.

В данной сценарной разработке примечателен акцент прежде всего на внутренние факторы российской элитной динамики, способные привести в движение те или иные внешнеполитические альтернативы. Вместе с тем, с учётом нынешнего состояния российских элит, государства и общества остаётся необъясненным, как и почему в обозримой перспективе может вообще возникнуть новый агент перемен?

x x x

Попробуем подвести некоторые итоги (хочется надеяться, что они всё же являются предварительными) и наметить ответ на вынесенный в заголовок этого материала вопрос: сохраняется ли «коридор возможностей»?

Здесь требуется важное уточнение. Дело в том, что сценарный подход как таковой ставит своей целью определение крайних, предельных сценариев возможного развития, тогда как выявление лежащего между ними реального «коридора возможностей» – это уже вопрос интерпретации построенных сценариев. Мы увидели, что существующие на сегодняшний день разработки альтернативных сценариев развития России в среднесрочной перспективе (при всём различии их методологии и специфике подходов) фактически исходят из спектра вариантов (как бы их ни называть) – от инерционного, ведущего страну в тупик, до инновационного, открывающего перспективу модернизации на основе политической и экономической конкуренции. При этом выделены и сценарные альтернативы, ведущие в разных направлениях: от «мягкого» к «жесткому» авторитаризму, к усилению конфронтации с внешним миром, прежде всего с

Западом, и вплоть до предельного варианта дезинтеграции. С помощью метода фокус-групп мы стремились выявить, какие из этих сценариев и в какой мере воспринимаются разными категориями общественности как наиболее вероятные и наиболее желательные. Однако реальный «коридор возможностей» для российского развития зависит отнюдь не от общественных восприятий тех или иных сценарных развилок, а от рамок, задаваемых меняющимися внутренними и внешними условиями и позициями ключевых элитных групп.

С учётом рассмотренных выше различных сценарных разработок и возвращаясь к предложенным нами наборам факторов относительной определённости и существенной неопределённости, мы можем зафиксировать следующие моменты:

Во-первых, при отсутствии сколько-нибудь драматических международных катаклизмов (по аналогии с мировым финансовым кризисом) ключевыми драйверами российского развития в среднесрочной перспективе будут внутренние экономические, социальные и политические факторы. Это отнюдь не ставит под сомнение реальную включённость России в мировые процессы, однако, подчёркивает значение внутренних стратегических решений правящего класса и его ключевых элит для определения вариантов российского развития. При всём их значении и при условии отсутствия серьёзных международных кризисов именно внутренняя ситуация будет определять общие российские траектории.

Во-вторых, в сложившейся ситуации относительно устойчивого согласия наиболее влиятельных клановых групп в отношении сохранения status quo на элитном уровне в среднесрочной перспективе вряд ли возможны сколько-нибудь серьёзные внутривнутриэлитные расколы, которые могли бы стать стимулом для поиска консенсусных демократических решений. Это, в частности, обеспечивает элитную поддержку политики доминирующей системы власти и её нынешнего инерционного курса, обеспечивающего её собственное воспроизведение в условиях маргинализации оппозиции и отсутствия с её стороны востребованной элитами и обществом альтернативной программы развития.

В-третьих, нынешняя пассивная адаптация общества к складывающимся условиям экономического, социального и политического существования вряд ли позволяет рассчитывать на возможность сколько-нибудь радикальных инициатив «снизу», представляющих реализацию зафиксированного нами выше аб-

страктного общественного запроса на перемены.

По сути дела, это предполагает перспективу объективного сужения «коридора возможностей» для реальных альтернатив российского развития на среднесрочную перспективу и доминирование инерционного варианта, ресурс которого ещё отнюдь не исчерпан. Тем не менее, согласно общим посылкам сценарного подхода к альтернативам будущего, будущее всё же не предопределено настоящим. Альтернативы развития сохраняются.

*А.П. Портанский**

ПОЗИЦИИ РОССИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ В СВЕТЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ВТО

Переговорный процесс по присоединению России к Всемирной торговой организации (ВТО) был невероятно продолжителен – 17 лет, что для истории ВТО беспрецедентно.

Упрощённый, но довольно распространённый взгляд на проблему предполагает и простой ответ: перед Россией якобы всё время ставили новые трудновыполнимые условия с целью не допустить в ВТО. Реальная картина и причины куда сложнее. Среди них немаловажное значение принадлежит истории вопроса.

Как известно, Советский Союз не был участником Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ) – предшественника ВТО. Отказ Москвы подписать Соглашение в 1947 г. объясняли политическими и идеологическими причинами, что в целом соответствует действительности. Анализ событий 70-летней давности даёт основание считать, что иной сценарий был возможен, во всяком случае, до определённого времени.

24 сентября 1941 г. Советский Союз присоединился к Атлантической хартии, подписанной в августе того же года британским премьером У. Черчиллем и американским президентом Ф.-Д. Рузвельтом. Из девяти пунктов документа два были посвящены торгово-экономическим вопросам и указывали соответственно на снижение торговых барьеров и глобальное экономическое сотрудничество, подразумевавшее создание всемирной организации. Именно в этих пунктах появились те принципы недискриминации, которые уже после войны легли в основу

* Портанский Алексей Павлович, к.э.н., профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

ГАТТ. Следовательно, став участницей Атлантической хартии, Москва уже в 1941 г. де-факто (хартия не была юридически обязывающим документом) приняла принципы, заложенные позднее в строительство многосторонних институтов торговли.

Логическим продолжением подписания Атлантической хартии стало участие Советского Союза в Бреттон-Вудской конференции 1944 г. Эта конференция ассоциируется, как правило, с созданием Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР). Гораздо меньше известно, что в ходе неё была признана необходимость создания третьего института системы послевоенной международной экономической безопасности, сферой деятельности которого должна была стать торговля. Вскоре и началась работа над созданием Международной торговой организации (МТО).

СССР подписал соответствующие учредительные документы, в частности, уставы МВФ и МБРР, тем самым став формальным участником основанной на американском долларе Бреттон-Вудской финансовой системы. Более того, советские экономисты в то время активно выступали в поддержку проектов Бреттон-Вудса, подчёркивая заинтересованность СССР в развитии мировой торговли.

Эта заинтересованность имела реальную основу. Годом раньше, в 1943 г., на трёхсторонней конференции в Тегеране президент США Ф. Рузвельт пообещал И. Сталину весьма внушительный по тем временам беспроцентный займ в 6 млрд американских («золотых») долларов в рамках продолжения помощи по ленд-лизу на восстановление разрушенного хозяйства СССР. В свою очередь Сталин пообещал Рузвельту вступить в войну с Японией. Получив весной 1944 г. по каналам разведки информацию о том, что США готовы увеличить размер пакета до 10 млрд долл., советское политическое руководство приняло твёрдое решение участвовать в предстоящей конференции в Бреттон-Вудсе.

Можно с достаточной уверенностью предположить, что, если бы события и дальше развивались подобным образом, СССР, скорее всего, продолжил бы участие в Бреттон-Вудском процессе, а именно – в начавшихся в 1946 г. под эгидой ООН переговорах о создании МТО. И Сталин, и Рузвельт ценили тегеранские договорённости и собирались следовать им. Однако всё изменилось после смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г. К тому же, через несколько месяцев с политической арены ушёл ещё один